

Наивность как категория эстетики и поэтики словесного творчества (на материале «Столбцов» Н.А. Заболоцкого)

Кошин Евгений Борисович

Студент Донецкого национального университета, Донецк, Украина

В мировой художественной культуре во все периоды ее развития постоянно противостоят две силы, выражающие возможности создания художественной образности. Первая сила – наивная, до-словная, до-культурная, «Воля» (А. Шопенгауэр), дионисийское. Противостоит ей рефлексия, «Разум» (А. Шопенгауэр), сократическое, «сентиментальное» (Ф. Шиллер), о-культурное, символическое.

В европейской традиции наивное и не-наивное впервые разграничил Ф. Шиллер в статье «О наивной и сентиментальной поэзии»: «Поэт <...> либо сам природа, либо ищет ее» [Шиллер: 408]. «Наивный» поэт непосредственно чувствует и воссоздает сам предмет, «сентиментальный» рассуждает о впечатлении, которое этот предмет на него производит, причем предмет этот связан с идеей. Сентиментальная поэзия находится в вечном поиске наивного, но никогда его не достигает. Шеллинг утверждает, что все поэтическое тем или иным образом наивно. Вообще, немецкая эстетика в диаде наивное – сентиментальное или классическое – романтическое (Гегель) видит скорее не деление искусства на рефлективное и до-(вне-)рефлективное, но два типа образности – символический и аллегорический.

Наивность в литературоведении следует рассматривать как «внутреннюю сторону содержания художественного произведения» [Тюпа: 89], как «эстетически определенный модус художественности» [Там же], «способ существования (сосуществования) автора, героя и читателя в их особой <...> эстетической реальности» [Там же: 90], иначе говоря, – как категорию эстетики и поэтики словесного творчества, по-особому завершающей художественную целостность.

Слово «наивный» попало в русский язык в первой половине XIX в. путем заимствования французского слова *Naif*, которое происходит от латинского *nativus* «природный», образованного от причастия *nātus* «рожденный» глагола *nāscor* (*gnāscor) «рождаюсь», сродненного с *genus* «род» от праиндоевропейских корней со значениями «род, рождаться» **g'ene-*, **g'nē-/*g'nā-*. В русском языке этим корням аналогичен корень -род- (приРОДа, наРОД). Оксфордский словарь дает такое определение: «наивный» – «характеризующийся лишенной изощренности и условности простотой или безыскусственностью». Значит: «наивный» – «натуральный, природный, необработанный искусственными условностями цивилизации» [Гачев: 29].

Наив, апеллирующий к мифологической эпохе, гармонизирует человека и реальность. Это «естественное состояние, способное открыть в любом слое реальности красоту бытия и манифестировать душевную свободу» [Пацюков: 36]. В наиве происходит абсолютное совмещение внутренней и внешней границ экзистенции. В этом отношении наив соприроден героике, первому историческому модусу, в котором, однако, подобное совмещение возможно в особом состоянии подвига. Наив описывает состояние Рая, Эдема, «Золотого века» до-культурного человека, не познавшего границы между добром и злом, чувством и разумом, живущего без сомнений и рефлексий. Авангард воссоздает до-символический праязык человечества в форме наива. Наив мифа презентативен. Не-наивное репрезентативно. В авангарде наив осуществляет попытку презентации путем вторичной репрезентации.

В «Столбцах» Заболоцкого наивное выступает в качестве субдоминантного модуса художественности при доминанте иронического. Сознательное обращение Заболоцкого к наиву было отмечено современными ему критиками, обвинившими «Столбцы» в инфантильности, нарочитой детскости, «дикарском физиологическом примитивизме».

Для наива в русском авангарде характерно обращение к мышлению и речи ребенка 5–6 лет, который еще не успел пережить второе рождение как социальная

личность. Обэриуты обращаются к детскому фольклору, к считалочкам и нескладушкам. В «Столбцах» ребенок является носителем истины. В столбце «Незрелость» младенец, кушающий манную кашку, вычитывает разнузданную девицу. В то же время в столбце «Новый быт» младенец, минуя стадии взросления, сразу вступает в комсомол. Заболоцкий считает детство (кроме раннего, до-словного) и юность трагической порой в жизни человека. Например, в столбце «Свадьба» «...проклинает детство / Цыпленок, синий от мытья» [Заболоцкий: 49–50].

Греческие киники, первые «наивные» философы, отличались партнерским отношением к животным, у которых они отмечали естественность и самодостаточность. Такое уважительное отношение сохраняется и у Заболоцкого. Животные в художественном мире «Столбцов» этически несоизмеримо выше человека-мещанина. У коня не морда, а лицо, причем человек обязан вырвать свой бессильный язык и передать его коню, потому что «Поистине достоин / Иметь язык волшебный конь!» [Там же: 77]. В стихотворении «Меркнут знаки зодиака» Заболоцкий, словно Адам в ситуации «впервые-бытия» (В. Библер), как бы заново (или впервые) дает каждому животному (и даже растению) свое Имя: «животное Паук», «птица Воробей», «растение Картошка» [Там же: 86].

В наивной картине мира часть принимается за целое, наив синекдохичен. В основе поэтики наива – логическая ошибка, это логика *pars pro toto*. Поэтому звезды названы знаками Зодиака, а бабы могут зреть как ковриги и пироги на дрожжах (столбец «Свадьба»). В «наивном» хронотопе «Столбцов» перемешаны пространственные и временные характеристики. Несколько моментов времени «накладываются» друг на друга в едином пространстве (столбец «Движение»). Наив существует в координатах Вечности, в условиях одновременности, в неевклидовой геометрии, точнее говоря, в ситуации перво-творения, когда не было ни времени, ни пространства.

Литература

Гачев Г. Плюсы и минусы наивного философствования // *Философия наивности*. М, 2001. С. 29–35.

Заболоцкий Н.А. Собрание сочинений: В 3 т. М., 1983. Т. 1.

Пацюков В. Новаторы и архаисты // *Философия наивности*. М, 2001. С. 36–42.

Тюна В.И. Художественность литературного произведения. Вопросы типологии. Красноярск, 1987.

Шиллер Ф. О наивной и сентиментальной поэзии // *Шиллер Ф.* Собрание сочинений: В 7 т. М., 1957. Т. 6.